

ДЖЕННИФЕР
АДАМ

ПОСЛЕДНЯЯ
ВЕТРОЖЕЯ

Москва
2026

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
А28

THE LAST WINDWITCH
by Jennifer Adam

Copyright © 2021 by Jennifer Adam
Cover art © 2021 by CATHLEEN McALLISTER
Cover lettering by GEMMA ROMÁN
Cover design by ALICE WANG

Published by arrangement with HarperCollins Children's Books,
a division of HarperCollins Publishers.

Адам, Дженнифер.

А28 Последняя ветрожея / Дженнифер Адам ; [перевод с английского М. Скляр]. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-179172-8

Юная Брида старается подчинить себе магию. Ей очень неловко, но чары никак не поддаются! Наставница-ведунья успокаивает и уверяет: девочка на своем месте.

Желая доказать, что она не зря учится ведовству, Брида решает воспользоваться запрещенной магией – яснозоркостью. И случайно подглядывает за самой королевой и ее Ловчим.

Спасаясь от погони и всевидящих воронов королевы, Брида узнает правду о своей семье, магии и том, кем ей суждено стать. Сможет ли девочка обуздать свою силу и победить Королеву Воронов?

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Мария Скляр, перевод, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-179172-8

Посвящение

Эта книга посвящается

моему мужу, который заставил меня поверить
в силу мечты (и настоящей любви!), когда продал
свой мотоцикл, чтобы купить мне мою первую лошадь,
моим детям, которые подарили мне второй шанс
испытать великолепие и волшебство этого мира,
пока сами открывали его впервые,

и

каждому читателю, который любит взять с полки
толстенную книгу и, спрятавшись с фонариком
под одеялом, читать после отбоя

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дубовая лощина

Поминание

Ветерок бросил тёмные прядки Бридиных волос ей в глаза и опутал ими бутон розы, который она заложила за ухо. Резким нетерпеливым рывком девочка откинула волосы с лица и припустила бегом вниз по дороге, следуя за шумом голосов.

Ей никогда не разрешалось участвовать в Дне поминания, ведь матушка Магди говорила, что это слишком опасно, но ведунья ушла выхаживать ребёнка с лёгочной лихорадкой, и Брида ухватилась за возможность утолить своё любопытство.

Она, конечно, знала, что День поминания вдобавок запрещён Законом Королевы, но ведь Дубовая лощина терялась в забытом уголке у самой дальней окраины Топколесья, так какое это имело значение? Матушка Магди и городские хозяйюшки могли шептаться о соглядатаях королевы, но в конце концов *все* в городе отправлялись к распутию дорог.

Брида проглотила лимоннокислое чувство вины и сказала себе, что в искупление подметёт сарай или почистит седло матушки Магди.

А сейчас ей нужно собственными ушами услышать истории. Двенадцать вёсен — почти тринадцать! — достаточный возраст.

Сжав кулаки, Брида промчалась по туннелю из склонённых деревьев мимо Колодца путников, где преодолеваемые усталостью и жаждой фермеры или торговцы могли остановиться в тени и хлебнуть прохладной воды из помятой жестяной кружки. Сегодня у колодца теснилась горстка чужаков с ввалившимися от голода щеками и тусклыми глазами.

Брида замедлила шаг. Женщины были в подходящих годах, чтобы зваться хозяйками — одна даже покачивала на бедре малыша, — но не носили красных шалей, как было принято в Дубовой долине. Вместо них на женщинах были чёрные безрукавки, зашнурованные по бокам и слегка расходящиеся на бёдрах. Хотя юбки на женщинах были выцветшими и пропылёнными, от потрёпанного подола к поясу висела размохрившаяся, но богатая вышивка.

Брюки мужчин были заправлены в потёртые сапоги до колен, на головах красовались побитые жизнью шляпы с высокой тульей и перьями на полях, а вовсе не привычные Бриде береты. Как и женские юбки, их выгоревшие на солнце рубашки украшала затейливая вышивка вдоль ворота и манжет.

Пальцы Бриды дрогнули при одной мысли о том, сколько же времени и мастерства потребовалось, чтобы вышить каждую вещь. Её собственные стежки — а шила девочка лишь по особому настоянию матушки Магли — выглядели в сравнении невыносимо неловкими.

Брида принялась гадать, откуда взялись эти путники и что за истории они принесли. Долина, хранившая Дубовую лощину, была складкой земли, втиснутой между труднопроходимыми холмами и густыми лесами. Это было не то место, на которое можно было наткнуться случайно, и чужаки явно проделали нелёгкий путь, чтобы добраться сюда.

По словам матушки Магди, раньше сюда редко заходили гости, но в последние несколько лет они стали делом привычным. Она называла путников беженцами, людьми, бегущими от голода и тяжёлых времён со всех концов королевства. Некоторые селились в долине, но большинство оставались здесь всего на день или два, а затем тянулись дальше с тем же смятением в глазах и шёпотом о пережитых кошмарах на устах.

Брида улыбнулась путникам у колодца. Она с трудом могла вообразить, что за ужасы могли сподвигнуть их покинуть родные места, не взяв ничего, кроме вещевых мешков. Быть может, они найдут утешение, поделившись пережитым? Впрочем, на её улыбку они не ответили, а лишь ещё теснее сгрудились вместе.

Но прежде чем девочка успела поприветствовать их и объяснить, что такое День поминания, из-за деревьев брызнул знакомый смех, заставивший Бриду пойти, не останавливаясь, дальше своей дорогой. Дэв, мальчишка мясника. Бриде было не до его глупых выходок, тем более что впереди её ждали рассказы Голоса. Когда она оглянулась, путники уже отвернулись.

Может, они с матушкой Магди отыщут этих странников позднее.

Скользнув мимо кузнечного двора, она поспешила по Торговому ряду, где жили ремесленники и лавочники. Дубовая лошина была маленькой деревенькой, каменные домики росли из богатой почвы будто поганки с соломенными крышами, однако жили здесь лучшие в округе мастера. Их деревянные вывески гордо покачивались на ветру: стопка разрисованных мисок хозяина Гончара, корзины хозяйки Ветлы и её вдовой сестры, иголка и нитки хозяйки Наперстянки и её сына, которые шили одежду такой красоты, что её отправляли далеко за пределы долины в имения властителей и дам, живущих в богатых городах в разных концах Топколесья.

Проходя мимо, Брида мельком оглядывала пустые окна магазинов. Все уже ушли к распутию дорог.

Она слышала, что в прежние годы в честь этого дня от крыши к крыше тянулись, трепеща, голубые ленты и белые знамёна, а над каждой дверью и окном висели гирлянды плюща, диких роз и мудроцвета. Девочка жалела, что не повидала традиционных украшений до того, как их запретили указом королевы, но и теперь Брида примечала лоскуты праздничного голубого шёлка, привязанные к воротам тут и там.

А шагая к тесному кружку горожан, девочка выхватывала взглядом стебли плюща, засунутые в карманы хозяев, или розовые бутоны, вплетённые в косы хозяйек. Из-под платков и безрукавок выглядывали голубые ленты, приколотые в бесстрашном презрении к Закону Королевы.

Брида медленно переставляла ноги, выжидая, пока идущая впереди компания не свернёт за угол. Нельзя

сказать, чтобы она *пряталась*, но и не горела желанием попадаться на глаза. Пожалев, что не догадалась надеть плащ, несмотря на тёплую погоду, Брида присобрала подол туники. Оставалось только надеяться, что ей повезёт дойти до перекрестка, не повстречавшись ни с кем, кто решит, что не худо бы рассказать о том, где она была, матушке Магди.

Торговый ряд заканчивался перед мастерской хозяина Обруча, у дверей которой высились штабели бочек. Здесь городская зелень расстилалась широко и плотно, как матушкин фартук. Брида и Магди часто приходили сюда на еженедельный рынок, чтобы сменять фрукты, овощи, козье молоко или сыр, а также магические снадобья на необходимые им вещи, но сегодня на заросшей травой площади было пусто и тихо.

Зато в трактире напротив дела шли бойко и из открытых дверей лился смех.

— Расскажи ещё что-нибудь, и я куплю тебе кувшин эля! — весело взревел кто-то. Голоса то гремели, то затихали вслед за волной разговоров.

День поминания был днём историй. Незначительных, потаённых, печальных, жутких.

И правдивых.

Сердце Бриды ухнуло вниз, как стриж с печной трубы, и она поспешила мимо трактира к пекарне. В воздухе витало тёплое облако ароматов сахара, пряностей, дрожжей и сливок, и она не удержалась и вошла в дверь следом за молодой парой.

Несмотря на запреты королевы, Брида слышала, что пекарь всё же соблюдает старые традиции. На День поминания он подавал речево всякому, кто расскажет

историю. Брида не знала, какой историей она могла бы поделиться, но в животе у неё заурчало, а рот наполнился слюнками. Она невесть сколько упрасивала матушку Магди дать ей попробовать речево. И вот оно лежит — ряд румяных слоёных треугольников, исходящих паром, на деревянном подносе у локтя пекаря.

Молодая женщина, стоявшая перед ней у прилавка, — уж не Лилибет ли... нет, постойте, наверное, Нэн, та, что прядёт самую гладкую и тонкую шерстяную пряжу на свете, — поправила свою новенькую красную шаль и промолвила:

— Я помню, как впервые встретила Микеля в канун солнцестояния, год тому назад. На нём была клетчатая безрукавка, каких я не видывала, и голод ввалил ему щёки. Он предложил моему отцу отработать еду и ночлег в нашей овчарне... и остался. Я помню, как блестяли его глаза, когда он узнал моё имя, и как его руки сомкнулись вокруг моей руки, когда я показала ему место, где я так люблю считать звёзды. Я помню, как воспарило моё сердце, когда он попросил меня стать его женой, и как струились по нашим запястьям шёлковые клятвенные ленты, когда мы произносили обеты любви, — прямо как цветные ручейки. Я помню, как надела бабушкины кружева, чтобы пройти под осеняющими арками в тот день, когда я оставила прежнюю жизнь и начала новую, уже не как девушка, но как хозяйка.

Пекарь перегнулся через сияющий чистотой прилавок и протянул ей один из треугольных хлебов, завернутых в вощёную бумагу.

— История твоя хороша. Желаю тебе рассказывать её долго и счастливо.

Микель, стоявший рядом с Нэн с красными ушами, прочистил горло и тоже заговорил:

— Я родом из Лугоземья, что у западной границы Топколесья. Я помню, как зима съела солнце и побила морозом наши поля. Мы ждали и так и не дождались оттепели, а отчаявшись, отправили старейшин за продовольствием и подмогой. Мы ждали, дрожа от холода и голода. Наконец старейшины вернулись с корзинами сморщенных фруктов и высохшего зерна и с рассказами о земле, где лету нет конца. Солнечный жар внушал больше надежд, чем будущее, погребённое подо льдом и снегом, и мы собрали всё, что могли унести, — всё, что у нас оставалось, — и двинулись в путь через ослепительно-белую пустошь. Я помню павших и потерянных. Я помню, как нас занесло в пылающую пустыню, где облака пыли поднимались навстречу небу и даже камни трескались от недостатка воды. Я помню, как мои родители...

Его голос оборвался, и пекарь сочувственно хмыкнул.

— Я помню, как остался один, — продолжил Микель, — и отчаялся. Я скитался, пока у меня не осталось сил, и тогда я наткнулся на Дубовую лощину и встретил Нэн. Она стала для меня словно пробуждением от кошмарного сна.

Пекарь протянул мужчине речевое, положил руку ему на предплечье и мягко сжал:

— Это тяжёлая история, но обернулась она к добру. Я желаю тебе долго и счастливо рассказывать последующие истории.

Пара ушла, склонив головы друг к другу и тихо переговариваясь.